

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Свое и не свое: философско-антропологический разворот проблемы собственности

Басов Александр Сергеевич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский
факультет, Москва, Россия
E-mail: ajleks.d3@gmail.com*

Вообразим следующую ситуацию: студент кафедры философской антропологии должен выбрать тему своей курсовой работы. Он честный студент, и думает следующим образом: «Хорошо бы выбрать тему важную и интересную, взять нечто стоящее и занимательное, *проблему*. . . Но какие проблемы у философской антропологии? Что, применительно к антропологии, может означать «проблема»? У меня, человека, есть проблема: мне не на что сходить в кино; у меня мало вещей: книги брать приходится в библиотеке, чужие, не испишешь их по-своему. Значит, у меня проблема – недостаток собственности. Знаю, не только у меня одного, у многих знакомых. Все они люди. А разве это не дело философской антропологии – изучать человеческое как таковое? – Дело. Вот и прекрасно, я нашел свою тему». После этого размышления студент приходит на кафедру, где его ждут вторую неделю, и пишет соответствующее заявление.

В этой воображаемой ситуации следует обратить внимание на две точки: а) соотношение формального и субъективного; б) соотношение своего и своего.

а) Формальным будем называть все то, что кроется за словами «студент», «кафедра», «курсовая». Действительно, вся ситуация складывается в формализованных условиях обучения в некотором ВУЗе, она обусловлена определенным количеством приказов, уставов, положений и т.п., ими же и движется. Иными словами, действия студента не им причинены, но некоторым институтом, студент ими в этом смысле не владеет. Тогда встает вопрос: какими своими действиями студент владеет, или в каком смысле он может назвать их своими? Существует ли на этом деятельном уровне его субъективность, его собственное? Этот вопрос отсылает нас ко второму различению.

б) *Свое* первого типа относится к тому, что студент ближайшим образом понимает под «собственностью»: книги, вещи, деньги. . . *Свое* второго типа – к последнему обороту мысли студента: «нашел свою тему». Действительно, когда студент испытывает недостаток в вещах, то он понимает собственность в расхожем смысле: «твое – не мое». Когда же речь идет о «своей теме», вопрос, очевидно, не стоит о распределении. Здесь свое противопоставляется не *чужому*, а скорее *не своему*. В курсе В. В. Библихиной «Собственность» [1] это *свое* второго рода определяется как захватывающее: не то, чем владеет лицо, но что владеет им – подлинное, родное. «Нашел свою тему» должно тогда означать: такую, которой готов отдаться.

Если мы теперь вернемся к первому различению формального и субъективного, то увидим некоторую волнующую, напряженную двойственность собственности. Действительно, до обретения владеющего им *своего* студент может терзаться формальной обусловленностью своей учебы, негодовать, саботировать учебный процесс. Как будто этот процесс отчуждает единственное имеющееся у студента – его время, его субъективность, однако не дает взамен даже удовлетворения его примитивным собственни-

ческим запросам. Охваченному же своей темой студенту может быть безразлично, в какой форме ему предписано выстроить свою работу, теперь его ведет собственная тема, ради которой он может выносить формальное напряжение, а возможно и менять его устройство, трансформировать согласно содержанию своей работы.

Двойственность заключается в том, что в своей глубине собственность оказывается отданностью. Студент не следует отныне своей (или чужой) прихоти, но велениям темы. В пределе он не может не делать того, что теперь делает – только в этом обретает свою субъективность. И напротив, чтобы схватить *эту* собственность, подлинность – необходимо приостановить движение перераспределения *той* собственности, удовлетворяющей привычные потребности.

Для пояснения, воспользуемся аналогией: подобным образом Ю. М. Бородай [2] описывает возникновение человека, механизм появления тотема. Там также необходимо приостановить действительное удовлетворение инстинктивных потребностей ради выживания, т. е. ради других инстинктивных потребностей. Крайнее напряжение разнонаправленных импульсов ведет к возникновению сознания, возникновению человеческого, всеобщего, родового – к запрету убийства членов своего тотема и запрету к совокуплению с ними. Убийство невозможно, соответственно жизнь общины возможна, поскольку теперь индивид подчиняется не своему произволу, но принадлежит тотему.

Таким образом, указанная выше двойственность проявляется и иначе: самое глубокое, подлинное, собственное в человеке оказывается одновременно всеобщим, родовым, принадлежащим тотему. «Всеобщим» в сильном смысле, в каком можно понять гераклитовское «должно следовать всеобщему» [3] – иное невозможно.

Впрочем, двойственность не означает разрыва. Так, своё и своё, захваченное и захватывающее не вовсе отличны, между ними существует напряжение. Одно не вытесняет другое, но как-то надстраивается. Возникающий тогда вопрос: «Чем я могу владеть?» может быть итогом этого рассуждения.

Литература

1. Бибихин В. В. Собственность. Философия своего. СПб., 2012.
2. Бородай Ю. М. Эротика–смерть–табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996.
3. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989, с.197.